

Стисну зубы – и молчок.
 Кто там бродит мимо окон?
 Вырос серенький волчок,
 Стал большим матерым волком.
 А когда он был щенком
 Желтоглазым и беспечным,
 Ушки острые торчком,
 Хвост, закрученный колечком, –
 По ночам тайком ко мне
 Приходил на мягких лапах.
 Пузыри пускал во сне.
 В полнолунье горько плакал.
 Неуклюже семенил,
 Загребая левым боком.
 Он тогда меня любил,
 А теперь вот смотрит волком.
 И совсем не верит мне.
 Зло глаза его лучатся.
 Да, теперь с ним и во сне
 Нежелательно встречаться.

Отвергнутый стаей, подстреленный волк,
 Я знаю, я знаю в поэзии толк.
 О чем мое сердце ночами болит?
 О том, что под сердцем мне пуля скулит.
 Поверьте, поверьте – все это не бред:
 У жизни и смерти счастливый дуэт.
 Когда я свой стон обращаю к луне,
 В два голоса он заывает во мне.
 На песнях его я лелею свой слух.
 Поскольку еще я на сердце не глух.
 Покуда звучит во мне этот дуэт,
 Я с вами, я ваш... недобитый поэт.

И ударило сердце в ключицу,
 И мороз пробежал по спине.
 Я узнал в твоём взгляде волчицу,
 Что ко мне приходила во сне.
 Научила зализывать раны
 От завистливых взглядов тайком.
 Все мои облака и туманы
 Пахнут дымным твоим молоком.
 Тает месяц дымком папиросным
 На высоком крутом берегу.
 И горят звезды в небе морозном,
 Словно волчьи следы на снегу.
 Я узнал тебя сразу, волчица,
 По раскосым и жадным очам.
 В них пылает зари плащаница,
 Что упала с Господня плеча.

Надоело углы своей комнаты
 Холостыми слезами кропить.
 Я иду в твои черные омуты,
 Как щенка, свое сердце топить.
 Будет месяц лошадкой каурою
 По высокому своду бежать.
 Будет ночка волчиною шкурою
 Пред твоими ногами лежать.
 Будут очи гореть, словно яхонты,
 И, как молния, вздрагивать бровь.
 И пленительный свет волчьей ягоды
 Будешь ты мне подмешивать в кровь.
 Расцелую тебя, черноокою.
 И залягу от взоров людей,
 Как волчонок, в ложбинку глубокую
 На груди азиатской твоей.
 Разделю с тобой ночку недлинную
 И тягучую волчью тоску
 За короткую радость звериную,
 Как летящую пулю к виску.

Ты встряхнешь вороные ресницы
 И пойдешь без особых причин
 Металлическим взором волчицы
 Резать хлипкие глотки мужчин.
 Твоя бабушка, видимо, сдуру,
 Когда мама тебя родила,
 Завернула тебя в волчью шкуру.
 И душа твоя к ней приросла.
 Потому-то средь черного шума,
 По-звериному жадно дыша,
 Так искрится во мгле твоя шуба,
 Как искриться лишь может душа.
 И глаза отливают железом
 Ледящего сердца ножа...
 ...Не ревнуй, я тобою зарезан.
 Слишком рана на сердце свежа.

Во взгляде твоём, как в глубоком колодце,
 Средь белого дня не увижу я солнце.
 Средь белого дня вдруг увижу луну,
 Когда загляну в твоих глаз глубину.
 Я вырону выдох протяжный: «Диана...»
 И вздрогнут вулканы во мгле океана –
 Рассыпят серебряной пылью золу
 И сделают лунной глубинную мглу.
 В пучину Вселенной уронит всевышний
 Цветущую ветку серебряной вишни,
 Которая станет тропинкою млечной,
 Где птицы гуляют легко и беспечно.
 Где воют кометы, как лютые волки.
 И падают звезды в звериные холки,
 Которые, словно туманы, дымятся...
 В них взоры людей заблудиться боятся.
 А русских мужчин соколиные очи
 Ласкает горячее солнышко волчье.

О, лютая любовь Востока,
 Палящая, как волчья пасть!..
 Судьба, не будь ко мне жестока,
 Не дай мне без вести пропасть!
 В твоём любвеобильном взгляде
 Оскалился звериный мрак...
 Недаром твой корейский прадед
 Сожрал на этом всех собак.
 Ты рвешь на части мое сердце...
 А после, чувствуя вину,
 Как на небесного младенца,
 Тоскливо воешь на луну.
 Покуда звёзды, как овечки,
 По млечным плавают лугам...
 И льнут божественные речки
 К высоким русским берегам.

Не азиат, не европеец,
 Я без души не лезу в драку.
 Скажи мне, добрый друг кореец,
 Зачем ты съел мою собаку?
 Ты в пьяной дружбе лез в объятья,
 Как в битву рьяные рубаки...
 Для русских все собаки – братья.
 А братья – это не собаки!
 Ты моего меньшого брата
 Сменял на сытое корыто.
 А чем собака виновата?
 В том, что в тебе она зарыта!
 А тем собака виновата,
 Что за меняхватила лиха...
 За моего меньшого брата
 Ты мне отдашь сестру-волчиху.
 Пусть верой-правдою послужит
 Она мне, как моя собака.
 А чем она собаки хуже?
 Чем не жена для волкодыла?
 Она любому в драке холку
 Разрубит, если что случится...
 Мужчине, человеку-волку,
 Всегда под стать жена-волчица.

Луны охотничий рожок
 Собьет любого с толку.
 Избави бог тебя, дружок,
 Во сне присниться волку!
 Когда шальная голова
 Стихи слагает в строфы,
 Читатель думает: «Слова...»
 А это – волчья тропы!
 Седую снежную крупу
 Сорит с небес Всевышний...
 Ты на звериную тропу,
 Мой почитатель, вышел.
 В жестокий вымысел поверь
 И вникни в суть интриги –
 Тебе навстречу красный зверь
 Идёт из Красной Книги.
 Того, кто сердцем не слабак,
 Он рад рысцой потешить.
 Не стоит всех своих собак
 Ему на холку вешать!
 ... Пускай охотники «ату»
 Кричат своим легавым,
 Волк усмехнётся за версту
 Их помыслам кровавым.
 Совьёт петлём и тиснет в тьму
 Свой след – подобно фиге...
 Как и положено ему –
 Он зверь из Красной Книги.

10

В заказниках смерть изрыгают двустволки...
 Прощает убийства Всевышний Отец.
 Поэты – матёрые лютые волки,
 Которые режут заблудших овец.
 Овечья душа, обмирая до храпа,
 Срывается в бездну вселенских огней,
 Когда стихотворца мохнатая лапа
 Когтями строфу вырезает на ней.
 Меж смертью и жизнью свирепая схватка
 Не раз на моём разгоралась веку...
 Глубокая волчья матёрая складка
 Навек пополам разрубила щеку.
 В серебряном вихре звериного воя
 Трепещет языческий бубен луны...
 Когда задевает поэт за живое –
 Душа осязает небесные сны.

А если судьба ополчится,
 И смерть режет по глазам,
 Не плачь надо мною, волчица!
 Москва не поверит слезам.
 Россия слезам не поверит,
 Когда покачнусь я во мгле...
 И станет одним вольным зверем
 Чуть меньше на отчей земле.
 И ангелы к мудрому Богу
 Звериную душу умчат.
 И выведешь ты на дорогу,
 Волчица, смыслёных волчат.
 Поджарых, лобастых и рослых.
 Дымящихся в лунных лучах.
 По-волчьи угрюмо раскосых.
 С матёрой искринкой в очах.
 Волчата залягут в лошину,
 И вздрогнет луны божество...
 ...Когда это небо с овчинку,
 Не жалко резать его!

Азиатская волчья тьма...
 Во всё небо кровавый след.
 Тут и умный сойдет с ума,
 Когда ты свой рождаешь свет.
 Самый мудрый свихнётся враз,
 Потому что вовек ему
 И бездонных не хватит глаз,
 Чтоб измерить такую тьму!
 Шамаханской была княжной.
 Прохлаждалась на волжском дне.
 Поднялась твоя грудь волной,
 И прибило тебя ко мне.
 Распоров вековую тьму
 Золотым лепестком огня,
 Как кинжал в смоляном дыму,
 Поцелуй твой обжёт меня.
 Шамаханка, секрет открой,
 Чем разбойника ты взяла,
 Если Волга-река чадрой
 Столько лет для тебя была?
 Прохлаждалась на волжском дне.
 Умывалась водой живой...
 А теперь поживи во мне
 И с моё на луну повой!
 Тут и умный свихнётся враз,
 Даже ежели он – поэт,
 Потому что не хватит глаз,
 Чтоб измерить твой волчий свет.

В глаза убиенному волку
С досадой повинной взгляну...
Не буду трепать его холку
И в челюсть ботинком не пну.
Светло небеса в изголовье
Ему постелили навек
Забрызганный тёплой кровью
Январский искрящийся снег.
Спокойна отныне и присно,
Уже никого не страша,
Небесную тихую пристань
Звериная примет душа.
Ветвями колышут деревья,
Во мгле указуя ей путь...
Мне дикого лютого зверя,
Поверьте, не жалко ничуть.
Немного охотника жалко,
Хоть сам не пойму, почему...
Но волчья тяжёлая шапка
Ума не прибавит ему.

Российская империя моя!
Сгорела ты на адовой горелке.
И отвалились тёмные края
От вседержавной золотой тарелки.
И откатились от тебя моря,
Где волны рыщут лютые, как волки...
И нету в голове твоей царя,
А лишь звенят имперские осколки.

Безмолвствует раздавленная челядь.
 Растерзана азийская страна.
 Как волчья окровавленная челюсть,
 Зубчатая Кремлёвская стена.
 Россия! Ты – кормящая волчица.
 Твои клыки от голода стучат.
 Понуро за тобою волочится
 Твой выводок – четырнадцать волчат.
 Они ползут на материнский запах.
 Они резцами режут твою грудь.
 Воротят морды глупые на запад,
 Чтоб молоко излишнее срыгнуть.
 То кровь твоя по их гуляет венам –
 Они друг другу холки теребят.
 От титек оторвавшись суверенно,
 Вольны рычать и тявкать на тебя.
 Их хищный взгляд на кровное намётан.
 Их ноздри бередит родная кровь.
 Они – щенки волчиного помёта.
 У них к тебе звериная любовь.

Когда небосвод угаснет,
 И тени зияют мрачней,
 Не Русь нас Святая спасает,
 А скорбная дума о ней.
 Средь смрадного блуда и глума
 О Родине бедной, о ней –
 Тяжёлая смутная дума,
 Что лютой волчицы черней.
 Она о пощаде не просит.
 И в сумерках путая след,
 Как малых волчат, нас выносит
 На Божий мерцающий свет.
 Где Божьи бездонные очи
 Сквозь вечный небесный простор,
 Зеркально мерцая по-волчьи,
 Глядят в наши души в упор.
 И слёзно от этого взгляда,
 Крылами чуть слышно шурша,
 Как в сельской церквушке лампада,
 Заходится светом душа.

Воздух Родины – воздух весны –
 Словно тайну люблю и приемлю,
 Когда дивные райские сны,
 Аки ангелы, сходят на землю.
 Он огнём закипает в крови
 И сердца разрывает в осколки.
 И о нём, как о первой любви,
 Воют самые лютые волки.
 Не оставишь его на потом...
 С ним легко и прощать, и прощаться.
 И до смерти обугленным ртом
 Им никто не сумел надыхаться!

Стою перед Богом со свечкой.
 Молю, чтоб меня не судил,
 За то, что смиренной овечкой
 Я в стаде Его не ходил.
 И что не делил с Его паствой
 Грехов непомерных вину...
 А был вольным зверем зубастым
 И выл по ночам на луну.
 На всё Твоя, Господи, воля!
 И праведной длани Твоей
 Подвластна звериная доля
 Неправедной жизни моей.
 А эта заблудшая строчка –
 Смиренная вроде на вид –
 Лишь загнанный волк-одиночка,
 Что в лес убежать норовит.
 Мой мудрый всевидящий Отче!
 Прости мне во имя любви
 Опасный мой промысел волчий –
 Стихи, что стоят на крови.

Отвергнутый стаей подстрелянный волк,
 Я знаю, я знаю в поэзии толк.
 О чём моё сердце ночами болит?
 О том, что под сердцем мне пуля скулит.
 Поверьте, поверьте, всё это не бред.
 У жизни и смерти счастливый дуэт.
 Когда я свой стон обращаю к луне,
 В два голоса он завывает во мне.
 На песнях его я лелею свой слух,
 Покуда ещё я на сердце не глух.
 Покуда живёт во мне этот дуэт,
 Я с вами, я ваш...недобитый поэт.